

Дворецкая Анна Павловна

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье анализируется процесс секуляризации в Приенисейском регионе в первой трети XX века. Делается вывод о решающем влиянии антирелигиозной политики советской власти на данный процесс. Основное внимание автор акцентирует на особенностях трансформации религии, темпах секуляризации в Сибири, показывает, что насильственная секуляризация разделила страну на противоборствующие стороны, породила конфликт двух ценностных систем - религиозной и светской. Процесс секуляризации рассматривается не как линейно-поступательный одномерный процесс, а маятниковый: некое колебание традиций и новаций, ведущее к противостоянию ценностных систем и разрыву между обществом и религией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 50-56. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

в заботе об обществе, представляется гуманным. Увязывая божественное и государственное начало в общественной жизни, Спиноза полагал, что спокойствие в государстве свидетельствует о правильном повиновении Богу в силу того, что Бог правит всеми людьми посредством именно тех лиц, которые стоят у государственной власти.

Изложенные выше положения философии Спинозы обогащают теоретические представления о гуманности. Философ рассматривал гуманность с рациональных и пантеистических позиций, то есть бесконечная природа им отождествлялась с Богом, а человек представлял собой часть этой природы, наделённый душой и телом, волей и разумом. Тем самым, он видел в человеке природное и божественное начало и верил в его склонность к гуманности.

Список литературы

1. Барбаков А. А. Гуманизм и гуманность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. 2. С. 44-46.
2. Кауфман И. С. Этика и политика в философии Спинозы // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2004. Т. 5. № 1. С. 305-322.
3. Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. / пер. с голланд. под ред. А. И. Рубина. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. С. 67-173.
4. Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. / пер. с лат. Я. М. Боровского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. С. 317-339.
5. Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. / пер. с лат. Н. А. Иванцова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 1. С. 339-619.
6. Субботин Ю. В. Естественно-правовые идеи Т. Гоббса и Б. Спинозы: проблемы соотношения // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 3 (9). С. 198-203.
7. Флао Ф. О Спинозе и о мудрости // История философии. 2010. № 15. С. 207-219.

RATIONAL-PANTHEISTIC FOUNDATION FOR HUMANITY IN SPINOZA'S PHILOSOPHY

Grigoryan Tatevik Vartanovna

Transbaikal State University

tatevick.1@yandex.ru

In the article the works about humanity of one of the greatest Dutch philosophers of the XVII century Benedict de Spinoza are considered. The ideal of a man of humane character as realized by the philosopher embodies the image of a sage. A sage unlike a common man understands his life purpose, can control his passions and loves God. The author concludes that Spinoza saw natural and divine origin in a man and believed in his inclination to the performance of humane deeds.

Key words and phrases: Spinoza; humanity; man; sage; society; state; God.

УДК 930.85+211.5

Исторические науки и археология

В статье анализируется процесс секуляризации в Приенисейском регионе в первой трети XX века. Делается вывод о решающем влиянии антирелигиозной политики советской власти на данный процесс. Основное внимание автор акцентирует на особенностях трансформации религии, темпах секуляризации в Сибири, показывает, что насильственная секуляризация разделила страну на противоборствующие стороны, породила конфликт двух ценностных систем – религиозной и светской. Процесс секуляризации рассматривается не как линейно-поступательный одномерный процесс, а маятниковый: некое колебание традиций и новаций, ведущее к противостоянию ценностных систем и разрыву между обществом и религией.

Ключевые слова и фразы: секуляризация; религия; Русская Православная Церковь; социум Приенисейской Сибири; конфликт; традиции и новации.

Дворецкая Анна Павловна, к.и.н.

Сибирский федеральный университет

advoreckaya@mail.ru

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В ПРИЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА©

Религия, являясь одним из важных регуляторов общественной жизни, способствует стабилизации социальных институтов и смягчению негативных последствий развития цивилизации. При трансформации российского социума в первой трети XX века был нарушен баланс между религией как целостной духовно-социальной подсистемой и обществом, и как следствие произошел кризис господствующей в стране религии (в нашем случае православия).

Кризис религии – серьезный момент для любого общества, и из него можно выйти тремя путями. В первом случае религия может быстро реформироваться (сама или, чаще, при помощи внешних сил) и изыскать новые, адекватные формы удовлетворения социальных потребностей. Во втором, одна религия может быть отброшена полностью и заменена другой. В третьем – власть и общество могут попытаться вообще вытеснить религию из сфер ее традиционного господства и удовлетворять социальные потребности свои и своих членов нерелигиозными способами. Последний путь развития общества есть секуляризация [26, с. 74-75].

Феномен секуляризации достаточно подробно рассмотрен западными социологами второй половины XX века. П. Бергер, Б. Уилсон, Т. Лукман, Н. Луман полагали, что секуляризация представляет необратимое явление, которое неуклонно ведет к сокращению сферы действия религии, к прогрессирующему упадку и исчезновению религии. Т. Парсонс, Р. Белла, наоборот, видели в секуляризации нормальный здоровый процесс изменения взаимоотношений религии и социума [34, с. 253].

В нашей стране, по мнению современных российских историков, секуляризационный процесс начинается в начале XX века. В это время в России появляются мировоззрения, альтернативные религиозному (коммунизм, атеизм), становится общественно приемлемым для индивида быть неверующим или иметь нетрадиционные религиозные взгляды, падает влияние конфессиональных авторитетов в обществе [2, с. 17-18; 43, с. 45-50; 45, с. 133-135].

Процесс секуляризации получает дальнейшее развитие в советское время: государство провозглашается светским, начинается вытеснение религии из всех сфер жизни общества. Антирелигиозная политика советского государства в настоящее время получила широкое освещение в отечественной исторической науке [27, с. 38-46; 28, с. 28-31, 60-62, 69-85; 30, с. 47-49, 60-61, 65-66, 72-75]. Например, Л. И. Сосковец, подводя итоги многолетним дискуссиям специалистов об эффективности или неэффективности антирелигиозной практик советского режима, говорит о противостоянии советской идеологии религиозной мировоззренческой системе и высокой степени результативности выбранного властью политического вектора [42, с. 181-182]. А. В. Баланцев, А. А. Слезин, анализируя антирелигиозную деятельность партии и комсомола, обращают внимание на экстремистский характер многих инициатив того времени; показывают их разрушительное воздействие на советского человека и социокультурное развитие общества [4, с. 12; 5, с. 18, 19; 35, с. 1158; 36, с. 74, 76; 37, с. 131, 132, 135; 38, с. 183, 184; 40, с. 85-90; 41, с. 495]. А. С. Жулаева, характеризуя уровень религиозности сибирского крестьянства в 1920-е годы, обращает внимание на размывание религиозных обрядов и традиций под воздействием политики советской власти [13, с. 81].

Задача автора данной статьи на конкретном примере социума Приенисейской Сибири первой трети XX века рассмотреть характер секуляризации, показать зависимость данного процесса от такого внешнего фактора как антирелигиозная политика советской власти; исследовать прерывность и обратимость данного явления, показать маятниковый характер процесса.

Революционные события, реформирование российского общества начала XX века способствовали кризису культурного доверия к православию, что проявлялось в изменении отношения к традиционным социальным институтам, освященным церковью: семье, системе обучения и образования, деятельности церквей в социальной сфере. В семейной сфере происходил раздел больших семей и совместно нажитого имущества, который сопровождался непочтением к старшим, различными хулиганскими выходками. В обществе шли бурные споры по проблеме социализации молодежи, в том числе о значении церковных институтов в образовательном и воспитательном процессах. В центре стоял вопрос о роли церковно-приходских школ в обучении подрастающего поколения, о целесообразности преподавания Закона Божьего в светских учебных заведениях. В социальной сфере все больше дел милосердия и благотворительности осуществлялось светскими организациями.

Кризис сопровождался сменой общественной ориентации, пересмотром ранее сложившихся культурных стереотипов и созданием благоприятных возможностей для тех идей, что не были непосредственно связаны с отвергаемой культурной средой. Православие, генетически связанное с народной культурой и традициями, замещалось научной системой социального обновления, т.е. спасения человека самим человеком, идеями о революционной самореализации человека. Шло распространение «секулярной этики», культа эстетизма, нарциссизма, технологизма [44, с. 55-59, 67-70].

В Енисейской губернии, как и по всей стране, подобного рода взгляды получили значительное развитие. Многие дореволюционные пастыри в своих отчетах отмечали в первой трети XX века интерес к светской литературе, театральным зрелищам, идеям общественно-политического переустройства у определенной части прихожан – в первую очередь у тех, кто получил светское образование. Эти тенденции затронули городское население. На селе их поддерживали сельская интеллигенция (староста, писарь, учитель). В демографическом плане таким идеям оказалась больше подвержена молодежь, особенно мужчины – генетические носители признака изменчивости рода.

Распространение новых идей сопровождалось разрушением традиционных связей между прихожанами и пастырями, когда первые безоговорочно подчинялись вторым. Допущение возможности оценки верующими фигуры священника вело к тому, что служение в приходе не уважаемого населением святого отца осложняло религиозную ситуацию. В таком случае верующие отказывались скрывать от духовной власти противоправные поступки служителей культа, содержать причтовые дома, оплачивать квартиры псаломщиков, давать ругу духовенству.

В центрах революционного движения, например, в г. Красноярске, в с. Троицко-Заозерновском, отмечались и антиклерикальные настроения. А скопление в одной местности маргинальных, социально неустроенных слоев населения – переселенцев и ссыльных – грозило вырвавшейся наружу неприязнью к духовенству [14, д. 3099, л. 74-75, 85-87, 91, 98 об., 99, д. 3135, л. 35, 35 об., д. 3222, л. 9 об., 46 об., д. 5001, л. 209, 209 об., 411-417, 457 – 458 об., д. 5004, л. 1 об., д. 5010, л. 42-45, 125-131, 311-313].

В послереволюционный период отечественной истории процесс отторжения религии обществом, традиционно называемый секуляризацией, приобретает ярко выраженные черты. Светское государство стремилось взять под свой тотальный контроль все сферы общественной жизни и подчинить их целям построения «нового общества» и формирования «нового человека». Из сферы интересов населения исключались целые пласты, и в первую очередь религия, так как основой представлений об устройстве и развитии общества в дореволюционной России являлось именно религиозное мировоззрение.

Взамен навязывалась единая идеология, базирующаяся на марксистской теории, что на практике осуществлялось либо благодаря использованию административного ресурса, либо посредством воздействия на внутренний мир человека идеологическим манипулированием его сознанием и поведением. Первое достигается созданием и использованием соответствующих административных организаций, второе – внедрением идеологических технологий, ориентирующих народ на поддержание существующего политического режима. Оба способа, как правило, применяются одновременно, что было продемонстрировано всем ходом конфессиональной политики советской власти 1920-х годов.

Проведенные в 1917-1918 гг. вероисповедные реформы, поддержка их в 1920 году при установлении советской власти в Сибири и Приенисейском регионе близкими к левым партиям слоями населения (рабочими, бывшими партизанами) свидетельствовали о начале секуляризационного процесса в обществе. Вместо религиозного мировоззрения на первый план выходили коммунизм и атеизм [15, д. 859, л. 201, д. 860, л. 112; 19, д. 951, л. 22, 25; 47, с. 46-50]. Данные тенденции были отмечены рядом сибирских историков (А. С. Долотовым, А. П. Окладниковым, К. П. Абросенко) – современников событий [1, с. 4; 12, с. 30-31, 36-37, 50-52; 31, с. 108].

Однако их последователи – историки Сибири 1960-1980-х годов, оценивая масштабы и темпы этого процесса, опровергли тиражируемую идеологическими органами партии информацию о массовом отказе сибиряков от религиозных убеждений в первое десятилетие советской власти [29 с. 305-306; 33, с. 157; 48, с. 24, 62-63]. Но только современные авторы вскрыли причины данного явления, показали, что массированное идеологическое давление нередко способствовало недоверию населения по отношению к власти и проводимой ею антирелигиозной политике, и даже отторжению ее [46, с. 29].

Зачастую политические факторы оказывают решающее влияние на темпы и формы секуляризации в конкретной стране. Так было и в советской России. Массированное насаждение большевистской идеологии вело к тому, что элементы коммунистического мировоззрения захватывали общество и первоначально проникали в первую очередь в городскую рабочую и молодежную среду. На этот факт указывают проведенные в 1923-1924 гг. обследования ячеек РКП(б) и РКСМ в г. Красноярске, членами которых на некоторых промышленных предприятиях являлись до 40% работников. Собранные данные свидетельствуют, что отрицание религиозных обрядов тут стало обычным явлением [15, д. 150, л. 46 об., д. 436, л. 100, д. 505, л. 33 об., д. 630, л. 67; 17, д. 400, л. 22, д. 409, л. 3; 19, д. 241, л. 22].

Аналогично обстояло дело и в уездных городах, где интерес к атеистическим и естественно-научным знаниям отмечался среди населения, организованного в различные советские общественно-политические союзы, добровольные общества, хозяйственные организации [15, д. 850, л. 36].

Руководствуясь в своей деятельности чаще всего соображениями утилитарного характера, именно рабочие и комсомольцы были инициаторами закрытия большинства церквей в первой половине 1920-х годов, когда культовые здания передавались под школы и дома культуры, а монастырские помещения – под приюты и коммуны [11, д. 135, л. 28; 15, д. 436, л. 58, 83].

Новые ценности входили в общественную жизнь населения Енисейской губернии не сразу, а постепенно, в результате борьбы с религиозными традициями. Несмотря на то, что значительное число городских жителей церкви не посещало, преувеличивать темпы секуляризации городского сообщества в первой половине 1920-х годов не следует. Например, каждая антирелигиозная кампания в г. Красноярске должна была обслужить всего около двух тысяч человек. На практике к ее проведению привлекалось еще меньше – около 1,5 тысяч человек, в основном, молодежь [15, д. 263, л. 152 об.; 22, д. 345, л. 5].

Многие партийцы и комсомольцы в это время скрывали свои религиозные взгляды, на бытовом уровне придерживались прежних традиций и обычаев, не препятствовали членам семьи отправлять религиозные обряды. На распространение подобного явления указывают циркуляры и протоколы совещаний партийных органов власти о борьбе с некоммунистическими поступками, в т.ч. с религиозными предрассудками, и факты исключения по этой причине из рядов РКП(б) [15, д. 150, л. 46 об., д. 436, л. 100, д. 505, л. 33 об., д. 592, л. 34, д. 630, л. 67; 17, д. 400, л. 22, д. 409, л. 3; 19, д. 241, л. 22].

В сельской местности насаждение атеистических идей сталкивалось с еще большими трудностями. «Вольнодумство» и «богоборничество» деревенских коммунистов и комсомольцев на самом деле ничего общего не имело с постановкой атеистической пропаганды. Грубое отношение к верующим, хулиганские выходки и пьянство, отмечавшиеся в повседневном быту, переносились и в сферу конфессиональной политики. Нередко буйство, с которым представители новой власти отмечали церковные праздники, выливалось в оскорбление верующих, осквернение религии и церкви и не находило поддержки населения. Документы партийных органов пестрят отписками о проведении разного рода антирелигиозных кампаний, что само по себе говорит о малоэффективности советских начинаний [17, д. 400, л. 18 об., 64-65, д. 444, л. 59, д. 1023, л. 8 об.; 19, д. 1027; 48, с. 50-52].

В домах самих коммунистов и комсомольцев сохранялись иконы, в семьях праздновались религиозные праздники, проводились венчания. Так, в 1923 году всего в двух домах коммунистов Нижне-Ингашской партийной ячейки не было икон [17, д. 757, л. 18 об.]. В некоторых семьях партийцев иконы висели вместе

с портретами В. И. Ленина. Кандидат в члены РКП(б) Косоложинской партийной ячейки Чебаковского района Хакасского уезда Колмаков в 1925 году венчался в церкви. Наряду с ним религиозные обряды в это время соблюдали и другие члены ячейки [10, д. 560, л. 50; 15, д. 859, л. 110]. В ответ на арест священника с. Изындаевского Никольской волости Ачинского уезда местная советская власть в лице члена Никольского волисполкома Н. Ромашева, председателя Изындаевского сельского совета Титова и секретаря этого же сельского совета Дорохова выступила против местной коммунистической ячейки [18, д. 547, л. 16].

Не получил распространение в деревне в первой половине 1920-х годов распространение и советский образ жизни. Например, в Ачинском уезде к концу 1923 года было организовано всего две школы-передвижки. В уезде не было подготовленных кадров для этой работы. Из четырех человек, присланных Енугубкомом РКП(б) для культурно-просветительской работы, только двоих можно было отправить в уезд для самостоятельной деятельности. При избах-читальнях проводились только коллективные чтения. В ходе подписной кампании на газету «Красноярский рабочий» было распространено всего 1,5 тысяч экземпляров, в основном, среди жителей уездного города и рабочих поселков, деревенских коммунистов и учащейся молодежи.

Мало чем отличалось положение в Минусинском уезде. Тут было создано только две школы-передвижки и семь изб-читален. Подписка на газету «Красноярский рабочий» не нашла поддержки населения. И это несмотря на явную тягу к печатному слову. Например, тираж минусинской уездной газеты «Власть труда» достигал 2,5 тысячи экземпляров и превышал подписку на газету «Красноярский рабочий», публикации в котором были далеки от нужд сельских жителей. В Канском уезде в 1923 году произошло сокращение библиотечной сети на 50% «за отсутствием интереса» населения к имеющейся литературе. Избы-читальни «совершенно не работали». В Красноярском уезде в этом году из 20 изб-читален ни одна не функционировала, а школ-передвижек было создано только две [15, д. 79, л. 13, 15 – 16 об., 72, 140 об., 141 об.; 17, д. 371, л. 8, д. 400, л. 53 об., 54 об.; 22, д. 126, л. 28, д. 325, л. 78-79; 32, с. 6].

Культурно-просветительские учреждения оставались чужеродным элементом в деревне. Чаще всего они служили местом сбора партийцев, комсомольцев и пионеров. Твердую сеть пунктов по ликвидации общей неграмотности создать не удалось, так как в уездах губернии не было подготовленных кадров, а население не желало нести расходы по ликвидации неграмотности. Печатная продукция не пользовалась популярностью деревенских жителей, т.к. не затрагивала «местных проблем». Прочитанные газеты, журналы и книги обсуждались в своей среде, а не в избе-читальне [8, с. 58-61; 15, д. 455, л. 10, д. 626, л. 26-27, д. 630, л. 30, д. 846, л. 36 об.; 16, д. 386, л. 76; 17, д. 400, л. 53 об., д. 1023, л. 6 об.].

Как следует из письма жителей с. Белоярского, отправленного И. В. Сталину в январе 1925 г., церковь в сельской местности по-прежнему являлась тем социальным институтом, который регулировал взаимоотношения в сельском сообществе, а церковный староста был самым уважаемым человеком в деревне [9, д. 24, л. 61].

Распространение антирелигиозных идей среди рабочих масс и молодежи, стремление придать стихийному антирелигиозному движению организованный характер, а также переложить на плечи общественной организации груз антирелигиозной пропаганды, как в регионе, так и повсеместно по стране, привели партийные органы власти к идее создания в городах единой сети «безбожных» организаций и кружков [25, с. 66-69].

Первый в губернии кружок «безбожников» из 36 человек стихийно возник в августе – сентябре 1924 года в сборном цехе Красноярских железнодорожных мастерских. К октябрю 1924 года в его рядах насчитывалось 282 человека. Однако уже в ноябре 1924 года инициатива перешла в руки местной партийной власти. По инициативе Енугубкома РКП(б) была создана «тройка» для образования инициативной группы по формированию ячейки общества сначала в городе, а потом и в Красноярском уезде – ближайшем к губернскому центру. В течение месяца было создано городское общество «безбожников», и 27 декабря 1924 г. прошло его организационное собрание. Деятельностью президиума, состоявшего из партийцев, руководил агитационно-пропагандистский отдел Енугубкома РКП(б) [6, с. 7-15; 15, д. 777, л. 23, д. 778, л. 176, 178, 184, д. 782, л. 187].

К марту 1925 года в г. Красноярске и Красноярском уезде в 26 ячеек объединилось 926 человек. Антирелигиозное движение охватывало рабочих, их семьи, технический персонал советских учреждений, учащихся, отчасти педагогов. В сельской местности «опытные» кружки были образованы в близлежащих от города деревнях Дрокино, Зелеево, с. Уяр и районе Заманья. Но они оказались нежизнеспособны. Их численность достигла всего 60 человек. Президиум общества вынужден был свернуть свою работу в деревне [15, д. 777, л. 23, 24, 26; 21, д. 17, л. 92].

В сельской местности антирелигиозная пропаганда была сопряжена со многими трудностями. В Канском уезде за 1924 год и три месяца 1925 года подготовленными работниками доклады были прочитаны только в десяти деревнях. Всего было проведено пять антипасхальных, шесть антирождественских лекций, две лекции для допризывников и четыре для красноармейцев, две лекции на уездных учительских курсах, три на конференциях женотдела и комсомола и шесть уроков на уездных курсах политпросветработников. Несмотря на категоричное запрещение агитационно-пропагандистским отделом Енугубкома РКП(б), местными партийными чиновниками проводились диспуты с представителями духовенства, например, в селах Устьянском, Абанском и Троице-Заозерном Канского уезда. В с. Абан диспут закончился полным провалом антирелигиозников, и уже в с. Троице-Заозерном «диспут» был устроен в виде вечера заранее подготовленных вопросов и ответов [15, д. 777, л. 24 об., 25; 16, д. 389, л. 42].

Активизация на антирелигиозном фронте на практике привела к усилению идеологического давления на верующих. Возможно согласиться с А. А. Слезиным, что политика советской власти по отношению к верующим становилась все более волюнтаристской и произвольной, приобретала все более тоталитарный характер [39, с. 231].

В 1927 году, особенно во второй его половине, властные органы краевого и окружного уровней усилили внимание к проведению антирелигиозной работы на местах. Их постановления требовали улучшить руководство антирелигиозной работой и создать при окружных комитетах ВКП(б) антирелигиозные отделы, кружки и семинары по антирелигиозной работе; усилить подготовку антирелигиозных кадров; включить в программу партийного просвещения сельских партийных и комсомольских ячеек изучение атеизма; обеспечить агитаторов и пропагандистов антирелигиозной литературой и наглядными пособиями и сформировать при библиотеках антирелигиозные отделы. В программы курсов всех уровней предполагалось включить циклы лекций по антирелигиозной пропаганде. Особое внимание уделялось расширению пропаганды антирелигиозных идей среди женщин и молодежи, малых этносов и «сектантов» [3, с. 72, 73; 6, с. 21-31; 20, д. 201, л. 216-217; 23, д. 309, л. 152, д. 369, л. 28, 30; 24, д. 61, л. 83; 40, с. 86].

Был взят курс на активизацию антирелигиозной работы среди учащихся. Вопрос о роли школы в антирелигиозном воспитании подрастающего поколения был вынесен для обсуждения на страницы журнала «Просвещение Сибири». После публикации в нем статьи Л. Ушатского «Антирелигиозная пропаганда в школе» среди работников народного образования развернулась дискуссия, итогом которой стало инструктивное письмо методического совета Сибирского краевого отдела народного образования «Об оживлении антирелигиозной пропаганды». Письмо обязывало работников народного просвещения «предусмотреть в учебном плане и программе занятий такие изменения, которые позволили бы ознакомить учащихся с содержанием и методами антирелигиозной пропаганды» [20, д. 334, л. 117, д. 458, л. 6, 6 об., 29, 45].

Была расширена массовая антирелигиозная работа. В г. Красноярске читки и беседы на антирелигиозные темы проводились на предприятиях и в красных уголках, лекции – в Домах коммунистического и рабочего просвещения, клубах и коллективах безработных (четыре раза в месяц). Был организован просмотр пьес и кинофильмов в рабочих клубах, перед показом читались лекции и доклады. Широкое распространение получили кампании, пропагандирующие советский образ жизни: День Ленина, День Армии, День женщин, во время которых читались антирелигиозные доклады, лекции, проводились карнавалы, инсценировки. В карнавале, проходившем 1 мая 1929 г., приняло участие свыше 600 человек. Распространялись призывы не праздновать религиозные праздники. Например, школа взрослых № 1 г. Красноярска, поддержав почин партийных организаций не праздновать Пасху 1929 года, обратилась с подобным лозунгом ко всем школам взрослых [Там же, д. 667, л. 300-305].

Возобновлялись антирелигиозные кампании. Во время антирождественских мероприятий в г. Красноярске было проведено свыше 40 докладов, которыми были охвачены более семи тысяч человек, во время пасхальных – 200 докладов, на которые были привлечены около 20 тысяч человек. Санитарно-просветительскую и антирелигиозную выставки посетили свыше 25 тысяч человек взрослых [Там же, л. 301].

Но в целом формы антирелигиозной пропаганды были достаточно примитивны, а результаты ее – незначительны. Массовая агитация велась только во время вечеров вопросов и ответов, утренников в рабочих клубах, рабочих поселках, школах. Она проводилась «безбожным» активом, без поддержки общественных и культурно-просветительских организаций [23, д. 414, л. 144, 145, 148].

Понимая, что действенность политики зависит от поддержки ее снизу, весной-летом 1928 года власть расширила представительный состав «безбожных организаций». «Безбожный» актив складывался из рядовых партийцев и круга людей, приближенных к партии и преданных идеологии (члены профсоюзов, добровольных обществ, комсомольцы). Он становился частью партийного аппарата. Руководство деятельности, а также проведение занятий в кружках и семинарах антирелигиозников поручалось квалифицированным партийным работникам, освобожденным от других обязанностей. Для этого на местах при агитационно-пропагандистских отделах партии – окружных и районных – вводилась должность антирелигиозника, который исполнял и обязанности руководителя кружка. В краевом масштабе в июне 1928 года постановлением Сибирского краевого комитета партии было создано краевое оргбюро Союза безбожников, в состав которого вошли коммунисты И. Бойков, А. Долотов, В. Ананьев, И. Воробьев. От них требовалось сформировать «безбожные» организации в округах и подготовить краевой съезд [7, с. 59-62].

В округах и районах региона «безбожные» организации оформились в январе 1929 года. Наиболее представительные «безбожные» организации сложились в г. Красноярске. К декабрю 1928 года в первом городском районе насчитывалось 16 ячеек, из них – 11 школьных (400 человек) и пять производственных. Еще восемь ячеек находилось в процессе организации [18, д. 60, л. 5-6, д. 63, л. 101; 20, д. 538, л. 116-127, д. 667, л. 300-305; 23, д. 372, л. 30, 37, д. 414, л. 144, 148; 24, д. 566, л. 1, 8-9, 19, д. 883, л. 49, 51-59].

На данном этапе наряду с ячейками Союза безбожников, партийными и комсомольскими организациями была сделана попытка привлечения к проведению антирелигиозной пропаганды органов народного образования, средств массовой информации, работников культурно-просветительских учреждений – клубов, библиотек, в деревнях – изб-читален, жилищно-коммунальных служб, членов добровольных обществ [20, д. 541, л. 240-243].

На практике «безбожное» движение во многом носило формальный характер. Деятельность «безбожных» ячеек сводилась к уплате членских взносов, выписке газеты «Безбожник», созданию уголка «безбожника», организации внутренних «ячейковых» и общих производственных собраний, на которых проводились антирелигиозные мероприятия. От индивидуальной работы с верующими отказывались даже партийцы. Массовая работа почти не велась. Население, в том числе партийные и комсомольские кадры, отказывалось заниматься «безбожной» работой. Не находили «безбожники» поддержки и со стороны партийных и общественных органов власти. В прессе антирелигиозная агитация была свернута. Все попытки ее активизировать наталкивались на отрицательное отношение журналистов и редакторов газет [17, д. 458, л. 2-5, 25, 25 об.].

Осознавая слабость антирелигиозного движения в стране, острый недостаток материально-технических и денежных средств и слабую поддержку его в центре и на местах партийными и государственными органами власти и населением, еще в конце 1928 года – начале 1929 года Центральный комитет ВКП(б) принял ряд постановлений об активизации антирелигиозной работы.

Они не только зафиксировали изменение отношения власти к религии и Церкви, но и направили весь идеологический механизм советской власти на борьбу с религиозными предрассудками. Новыми законодательными актами обеспечивались права атеизма как идеологии и создавались предпосылки для того, чтобы в духовной культуре и общественной жизни страны произошли необратимые перемены, касающиеся выбора духовных ценностей и формирования особенностей восприятия действительности.

Общий для всех стран, переживающих модернизацию, процесс секуляризации в результате атеистической политики советской власти в довоенный период советской истории приобрел насильственный характер. Борьба с влиянием религиозной идеологии официально провозглашалась составной частью коммунистического воспитания. Была разрешена только атеистическая пропаганда, ряд категорий граждан лишился права совершать религиозные обряды. Нарушение принципа свободы совести, отделения Церкви от государства вело к тому, что властные структуры систематически вмешивались во внутрицерковную деятельность [27, с. 37; 28, с. 70-87; 30, с. 72-74].

Социальные потрясения и трансформации, которые носили общероссийский характер, оказали существенное влияние и на Приенисейский регион. В этом процессе можно было выделить несколько этапов. Первоначально, в первой половине 1920-х годов, новые ценности захватывают городскую рабочую и молодежную среду. В дальнейшем, во второй половине XX века антирелигиозные идеи проникают и в деревню через «безбожный» актив и советские организации. Необходимо признать, что к концу рассматриваемого периода значительные сферы общественного и индивидуального сознания социокультурной жизни перестали подвергаться религиозному санкционированию и влиянию: школа, клуб, органы ЗАГС и т.д. Однако сохранение религиозных ценностей, норм и идеалов показывает, что этот процесс не принял необратимого характера. Качественный и количественный рост религиозных организаций шел намного быстрее аналогичных процессов в «безбожных» организациях. Органам власти приходилось констатировать растущее влияние «религиозников», на молодежь. Обращалось внимание на активизацию проповеднической и религиозной деятельности, культурно-массовой работы среди населения. Для полного устранения религии и связанных с ней явлений из той политической, социальной и культурной ниши, в которой она находилась до этого, необходимо было не только ликвидировать религиозные организации, но и уничтожить верующих как носителей религиозной традиции, каковая попытка и была предпринята в 1930-е годы.

Список литературы

1. **Абросенко К. П.** Религия на службе контрреволюции в Сибири. Иркутск: Иркутское областное издательство, 1938. 71+1 с.
2. **Алексеев А. В.** Духовно-нравственное состояние русского общества конца XIX – начала XX века; историко-конфессиональный (православный) взгляд: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2008. 28 с.
3. **Бакаев Ю. Н.** Антирелигиозная работа в сибирской деревне (1920-1929 гг.) // Культурное развитие советской сибирской деревни: сборник статей / отв. ред. Н. Я. Гушин и др. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1980. С. 62-75.
4. **Баланцев А. В.** Комсомол и Русская православная церковь: начало противостояния // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (62). С. 10-12.
5. **Баланцев А. В., Слезин А. А.** Особенности противодействия комсомольских организаций влиянию ислама в начале 1920-х гг. // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (64). С. 15-20.
6. **Варваров И., Железных А.** Авангард безбожников Сибири (как рабочие красноярских железнодорожных мастерских организовали Союз безбожников и ведут антирелигиозную работу). Новосибирск: Сибкрайиздат, 1929. 36 с.
7. **Войцеховская О. Б.** Из истории партийного руководства научно-атеистической пропагандой в Восточной Сибири (1928-1930 гг.) // Из истории борьбы партийных организаций Восточной Сибири за осуществление ленинского плана культурной революции: сборник статей / гл. ред. Г. А. Терюшков и др. Иркутск, 1969. С. 55-75.
8. **Горшкалева Н. М.** Формы самообразовательной работы в Сибири в 1920-е годы // Культурная жизнь Сибири в XVII-XX вв.: сборник научных трудов / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1981. С. 58-62.
9. **Государственный архив Новосибирской области (ГАО).** Ф. П-2. Оп. 1.
10. **ГАО.** Ф. П-2. Оп. 2.
11. **ГАО.** Ф. Р-1. Оп. 2.
12. **Долотов А.** Церковь и сектантство в Сибири / Сиб. краев. совет Союза воинствующих безбожников. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. 127+1 с.
13. **Жулаева А. С.** Религиозность сибирских крестьян в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 79-81.
14. **КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАОК»).** Ф. 674. Оп. 1.
15. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-1. Оп. 1.
16. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-4. Оп. 1.
17. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-5. Оп. 1.
18. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-6. Оп. 1.
19. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-7. Оп. 1.
20. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-10. Оп. 1.
21. **КГКУ «ГАОК».** Ф. П-15. Оп. 1.

22. КГКУ «ГАКК». Ф. П-16. Оп. 1.
23. КГКУ «ГАКК». Ф. П-59. Оп. 1.
24. КГКУ «ГАКК». Ф. П-96. Оп. 1.
25. Коновалов Б. Н. Союз воинствующих безбожников // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1967. Вып. 4. Победы научно-атеистического мировоззрения в СССР за 5 лет. С. 63-93.
26. Коровников А. В. Кризис религии и секуляризм // Религия и секуляризм на Востоке. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная лит-ра», 1993. С. 72-90.
27. Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД СССР: окт. 1917-го – конец 1930-х годов: автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2007. 48 с.
28. Медведев Н. В. Государство и Церковь в России (1924-1934 гг.): дисс. ... к.и.н. М., 1997. 138 с.
29. Москаленко А. Т., Квардаков А. И. Секуляризация сознания и быта крестьянства в процессе строительства социализма в Сибири // Культурное развитие советской сибирской деревни: сборник статей / отв. ред. Н. Я. Гушин и др. Новосибирск, 1980. С. 301-318.
30. Одинцов М. И. Государство и Церковь в России: XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
31. Окладников А. Церковь в борьбе с пролетарской революцией в Восточной Сибири // Будущая Сибирь. 1932. № 4-6. С. 108-116.
32. Путь молодежи. 1924. 12 января.
33. Рукосуева В. В. Культурно-просветительская работа в Красноярском крае в годы довоенных пятилеток. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1969. 270 с.
34. Синелина Ю. Ю. Концепции секуляризации в западной социологической науке // Социальная политика и социология. 2009. № 2. С. 252-267.
35. Слезин А. А. Антирелигиозные политсуды 1920-х годов как фактор эволюции общественного правосознания // Право и политика. 2009. № 5. С. 1156-1159.
36. Слезин А. А. Антирелигиозный аспект «Великого перелома»: нормативная база и правоприменительная практика // Политика и общество. 2009. № 7. С. 66-76.
37. Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129-136.
38. Слезин А. А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи в начале 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 179-184.
39. Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). М.: Российская академия естествознания, 2009. 214 с.
40. Слезин А. А. Роль союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924-1929 гг.) // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2 (18). С. 85-90.
41. Слезин А. А., Рябцева Е. В. Советская государственная политика в отношении религии: начальный этап // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2012. Т. 18. № 2. С. 493-497.
42. Сосковец Л. И. Антирелигиозные практики советского государства: цели, структуры, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 178-182.
43. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700-1917. М., 2003. 480 с.
44. Фирсов С. Л. Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 1996. 660 с.
45. Фирсов С. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи Николая II. СПб.: Сатис; Держава, 2007. 467 с.
46. Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь и государственная власть в 1917-1930-е гг.: автореф. дисс. ... д.и.н. Улан-Удэ, 2009. 42 с.
47. Шекшеев А. П. Енисейское крестьянство и Православная Церковь в эпоху общественной смуты // Религия и общество: материалы межвузовской научной конференции (г. Абакан, 16 ноября 2002 г.) / под ред. Л. В. Анжигановой. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2003. С. 46-63.
48. Шильдяшов И. М. Религия в Сибири и атеистическое воспитание. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1982. 205 с.

SECULARIZATION IN TRANS-YENISEI REGION DURING THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Dvoretzkaya Anna Pavlovna, Ph. D. in History
Siberian Federal University
advoreckaya@mail.ru

The article analyzes the process of secularization in Trans-Yenisei region in the first third of the XX century. The conclusion is made about the decisive influence of the anti-religious policy of the soviet power on this process. The author pays special attention to the features of the transformation of religion, the pace of secularization in Siberia, and shows that forced secularization divided the country into warring parties and created a conflict between two value systems – religious and secular. The process of secularization is considered as not a one-dimensional linear-progressive process but a pendulum one: a kind of the variation of traditions and innovations leading to confrontation between value systems and to the gap between society and religion.

Key words and phrases: secularization; religion; the Russian Orthodox Church; society of Trans-Yenisei Siberia; conflict; traditions and innovations.